

ИСТИНА И НАУКА ¹⁾.

I.

Мм. гг! Высшая школа, въ которую только что вступили вы, имѣеть особенный типъ, и время, въ которое Вы въ нее вступили, является особеннымъ временемъ. Православная академія утверждаетъ на вселенскомъ исповѣданіи вѣры, какъ на неизблемомъ камнѣ. Время, которое мы переживаемъ, отвергаетъ всѣ исповѣданія, данныя прошлымъ. Оно идетъ съ новымъ *specto*, которое не хочетъ знать счастья на небѣ, а лишь временное благо на землѣ. Что же привело васъ въ эту школу? Думаете ли вы, что счастье на землѣ невозможно безъ мысли о небѣ, или можетъ быть вы думаете, что ученіе о небѣ можно эксплуатировать въ цѣляхъ земного благополучія, или, наконецъ, видя передъ собою всюду закрытыя двери на основаніи министерскихъ циркуляровъ, вы постучались въ двери академіи только потому, что передъ вами предстояла дилемма: или никакой высшей школы или академія?

Я не въ правѣ, конечно, копаться въ вашей душѣ и требовать отъ васъ отвѣта на поставленный мною вопросъ. Но размышляя о томъ, какъ и съ чего приступить мнѣ къ своимъ чтеніямъ, я попытался поставить себя на ваше мѣсто и сталъ размышлять, какія недоумѣнія должна въ васъ возбуждать наша школа, и я рѣшилъ, что самое лучшее начать чтенія съ обсужденія этихъ недоумѣній.

Весьма возможно, что многихъ изъ васъ волнуютъ иные вопросы, иныя сомнѣнія, но я не сумѣлъ угадать ихъ. Мнѣ

---

¹⁾ Вступительныя лекціи по Введенію въ Богословіе, прочитанныя въ Московской духовной академіи 15—16 сентября 1908 года.

думается и я слыхалъ это отъ многихъ, что академія вызы-ваетъ недоумѣнія, я выражусь болѣе рѣзко: отталкиваетъ отъ себя, потому что дѣло академіи представляютъ такъ.

Академія имѣетъ своею задачею служеніе наукѣ. Наука ищетъ истины. Истина есть искомое, а не данное. Наука не совершенна, она можетъ измѣнять, углублять и расширять представленія объ истинѣ. Никакихъ плотинъ, никакихъ тормазовъ, задерживающихъ научныя изысканія не должно быть. Наоборотъ, чѣмъ смѣлѣе и отважнѣе ученые будутъ искать истину, тѣмъ скорѣе повидимому они должны овладѣть ею. И такъ,—не должно быть никакихъ препятствій для научныхъ изслѣдованій. Но въ академіи не то. Истина здѣсь оказывается даннымъ. Она является въ видѣ православнаго исповѣданія вѣры. Она неподвижна, она сложи-лась и оцѣпенѣла уже болѣе, чѣмъ тысячелѣтіе. И вотъ, занятія академіи представляютъ себѣ въ видѣ какого то фокусничества. Люди дѣлаютъ видъ, что они какъ будто чего то ищутъ, высказываютъ предположенія, гипотезы, но на самомъ дѣлѣ рѣшеніе у нихъ готово, и къ этому рѣше-нію они возвращаются всегда и неизмѣнно, какъ магнитная стрѣлка послѣ всѣхъ колебаній обращается къ полярной звѣздѣ. Они похожи на того актера, который долго отыски-ваетъ на крошечной сценѣ своего противника. Трудно сразу не найти врага, но по ходу пьесы актеръ принужденъ искать его вездѣ, кромѣ того мѣста, откуда явственна высовываются его сапоги. Разказываютъ, что на одномъ подобномъ спек-таклѣ какой то нетерпѣливый зритель закричалъ: „чего же ты ищешь, вѣдь онъ вонъ онъ“! Такъ представляютъ себѣ и дѣло богослововъ, они высказываютъ какъ бы смѣлыя пред-положенія, допускаютъ возможность пантеистическихъ воз-зрѣній и матеріалистическихъ гипотезъ, но все это только для того, чтобы послѣ долгихъ странствованій по сцилламъ и харибдамъ, благополучно совершая логическія salto mor- tale, придти къ спасительнымъ выводамъ, что въ отвѣтахъ катехизиса заключается несомнѣнная и святая истина.

Вотъ, думается мнѣ, что смущаетъ многихъ. Научныя за-нятія академіи представляются имъ недостойною игрою. Люди притворяются, что ищутъ истины, только затѣмъ, чтобы подъ именемъ и стины предлагать слушателямъ, читате-лямъ, обществу старыя вѣрованія.

Такъ представляютъ дѣло. Теологическое исповѣданіе является въ академіи самодовлѣющей истиной, наука, философія—это здѣсь только апсисае, которыя должны благоговѣнно преклоняться передъ даннымъ напередъ содержаніемъ теологіи.

Вотъ — взглядъ, съ обсужденія котораго я предполагаю начать мои чтенія. Мы поразмыслимъ надъ понятіями истина и наука, подумаемъ объ ихъ взаимоотношеніи. Выводы, которые мы получимъ, должны оказаться полезными для насъ и въ качествѣ началъ, опредѣляющихъ правильное отношеніе къ наукѣ, и должны помочь намъ правильно оцѣнить значеніе научныхъ задачъ нашей школы.

Мы попытаемся поставить дѣло по возможности широко, т. е. будемъ обсуждать вопросъ о принципахъ нашей школы, которыми руководится она, обсуждая взаимоотношеніе истины и науки, независимо отъ вѣры въ религіозную истину, какъ равно независимо и отъ невѣрія. Только прежде, чѣмъ вступить на этотъ широкій путь, я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній о томъ, что при наличности религіозной вѣры легко показать, что постановка дѣла въ академіи является совершенно нормальной.

Назадъ тому немного болѣе мѣсяца я бесѣдовалъ о религіи и наукѣ съ однимъ близкимъ мнѣ инженеромъ. Онъ сказалъ, что знаніе религіозное достовѣрно такъ же, какъ знаніе математическое, но что оно обладаетъ одною специфическою особенностью, оно достовѣрно лишь для того, кто имъ обладаетъ, передавать его такъ, какъ передаютъ знаніе математическихъ теоремъ, нельзя. Свобода человѣка не насилуется въ религіозной сферѣ. Другой можетъ воспринять религіозное знаніе лишь при своей личной свободной готовности и воздѣйствіи свыше.

Оставимъ въ сторонѣ другого и остановимся на вѣрующемъ человѣкѣ. Для него содержаніе вѣры—непоколебимая истина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ научно изслѣдуетъ проблемы вѣры, по скольку онѣ оказываются доступными для такого изслѣдованія. Въ концѣ концовъ результаты его изслѣдованій должны совпасть съ его вѣрою, но его изслѣдованіе можетъ быть и вполне добросовѣстнымъ и глубоко плодотворнымъ. Я разумѣю добросовѣстность въ томъ смыслѣ, что онъ вовсе не будетъ закрывать себѣ глаза, когда пред-

ставится несоответствие между его верою и научными данными, онъ а priori будетъ убѣжденъ, что это несоответствие мнимое, но онъ не скажетъ, что его нѣтъ, онъ будетъ его разслѣдовать. И разслѣдованіе можетъ оказаться плодотворнымъ, если онъ найдетъ примиряющее начало между своею верою и научнымъ фактомъ. Оставляя въ сторонѣ религиозное значеніе такого изслѣдованія, должно будетъ признать научную цѣнность въ открытіи примиряющаго начала.

Мы читаемъ въ Библии, что Соломонъ сохранившіеся останки хеттеевъ сдѣлалъ оброчными (2 Паралип. VIII, 7—8), съ другой стороны мы читаемъ, что купцы доставляли колесницы изъ Египта Соломону и царямъ хеттейскимъ (3 Цар. X, 29, ср. 2 Паралип. 1, 17). Второе повидимому находится въ несогласіи съ первымъ: то оброчные, то цари, ѣздящіе на колесницахъ. Но изслѣдованія и открытія конца XIX вѣка разъяснили дѣло. Въ Палестинѣ были хеттейскіе колонисты, которые и стали данниками. Въ Палестины во время Соломона были могущественныя хеттейскія царства. Изслѣдованіе въ концѣ концовъ привело къ признанію правды Библейскаго повѣствованія. Позволительно думать, что объ этомъ не слѣдуетъ горевать.

Научное изслѣдованіе можетъ провѣрять и восполнять уже извѣстную истину, и это будетъ движеніемъ впередъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и подтвержденіемъ стараго. Приведу такой примѣръ изъ области положительнаго знанія. Тѣла, удѣльный вѣсъ которыхъ тяжелѣе воды, тонуть въ водѣ. Это вытекаетъ изъ принципа тяготѣнія. Но можно опустить въ воду иголку такъ, что она не потонетъ. Положимъ, мы стоимъ съ вами передъ этимъ фактомъ. Фактъ на лицо, отрицать нельзя. Съ другой стороны мы воспитаны на томъ, что ученіе Ньютона о тяготѣніи есть незыблемая истина. И такъ, мы имѣемъ съ одной стороны—нѣкоторое *credo* въ области физики, съ другой—факты, стоящіе повидимому въ противорѣчii съ этимъ *credo*. Что же: должны-ли мы отказаться отъ своей вѣры, исповѣданіе которой созидалось столѣтіями и лучшими умами, или должны разслѣдовать дѣло. Всякій разумный человекъ предпочтетъ послѣднее. Результатъ разслѣдованія по отношенію къ данному факту выяснилъ, что вслѣдствіе дѣйствія отталкивательныхъ капиллярныхъ силъ иголка вытѣсняется вокругъ себя воды

больше своего объема и своего вѣса, и вслѣдствіе этого удерживается на поверхности. Принципъ Архимеда, теорія Ньютона оказываются сохраненными всецѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ открыто и прибавлено и нѣчто новое: узнать новый физическій факторъ—капиллярныя силы.

Для вѣрующаго человѣка его вѣра тоже, что алгебраическія и геометрическія теоремы. Онъ не сомнѣвается въ ихъ истинности. Но теоремы допускаютъ физическую провѣрку. Длину окружности можно измѣрять дѣйствительно. Вѣрующій предвидитъ результатъ измѣренія, но если въ какихъ либо случаяхъ—и такихъ не мало—его предвидѣніе не оправдывается, онъ ждетъ открытія новыхъ истинъ, которыя бы согласили его вѣру съ наблюдаемымъ фактомъ, но онъ не отрекается отъ вѣры и не сомнѣвается въ фактѣ.

Понятно, что если содержаніе вѣры есть дѣйствительно истина, то всѣ изслѣдованія въ концѣ концовъ—хотя бы длинными и окольными путями—будутъ возвращать къ ея утвержденію. Но дѣло въ томъ, что человѣкъ можетъ быть непоколебимо увѣренъ въ истинности того, что представляетъ собою заблужденіе. Мы знаемъ мучениковъ ислама, буддизма, различныхъ христіанскихъ исповѣданій. Мученичество ихъ доказываетъ, что ихъ вѣра была твердою, но вѣра всѣхъ ихъ, ясно, не могла быть истинною. Ложная вѣра въ глазахъ вѣрующаго также имѣетъ характеръ строго доказаннаго математическаго знанія, но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ отводитъ его отъ истины, а не приводитъ къ ней. Всякую теорію, враждебную своей вѣрѣ вѣрующій будетъ отвергать. Отсюда слѣдуетъ, что въ концѣ концовъ вѣра всетаки тормазъ для научнаго знанія, а не руководительное начало. Поэтому и дѣлаютъ выводъ, что всякое исповѣданіе лишь вредитъ познанію истины, а вовсе не способствуетъ приближенію къ ней.

Если это такъ, а въ нѣкоторой мѣрѣ это несомнѣнно такъ, то всетаки съ вѣрою приходится считаться. Теорію враждебную вѣрѣ можно навязать человѣку, лишь поколебавъ его вѣру. Значитъ, скажутъ намъ, во всякомъ случаѣ лучше быть безъ вѣры, безъ предвзятаго *credo*.

Думаю, что здѣсь мы подошли къ сути нашего вопроса. Дѣло въ томъ, что нельзя быть и жить безъ какого-либо *credo*, безъ какого-либо исповѣданія истины.

Съ словомъ истина соединяють разнообразный смыслъ. Это истина, говорятъ о какомъ либо сообщеніи, о фактѣ, явленіи, о научномъ открытіи. Пифагорова теорема есть истина. Но хотя такое употребленіе слова истина имѣетъ широкое, даже всеобщее употребленіе, по существу съ словомъ истина соединяють иной, несравненно болѣе глубокой смыслъ.

Признавая субъективный характеръ нашего познанія, истину опредѣляютъ, какъ такую систему представленій, въ которой нѣтъ внутреннихъ разногласій и противорѣчій и по которой наши антиципации будущаго совпадаютъ съ будущимъ—наши представленія о томъ, что намъ будетъ казаться, совпадаютъ съ тѣмъ, что потомъ намъ кажется на самомъ дѣлѣ. Мы не знаемъ того, что происходитъ въ дѣйствительности, но для практическихъ цѣлей оказывается достаточно намъ знать связь нашихъ представленій и нашихъ дѣйствій съ послѣдующими чувствами и представленіями. По теоріи признающей субъективный характеръ нашихъ познаній, для насъ достаточно, если будетъ существовать нѣкоторый параллелизмъ между тѣмъ, что происходитъ внѣ насъ, и нашими представленіями объ этомъ внѣшнемъ теченіи событій. Не трудно видѣть однако, что уже по этой теоріи допускается нѣкоторый объективный элементъ въ нашемъ познаніи, ибо между нашими представленіями о дѣйствительности и дѣйствительностью признается существованіе нѣкотораго соотвѣтствія, иначе мы не могли бы предвидѣть нашихъ чувствъ и представленій. Расширяя присутствіе объективнаго элемента въ познаніи, подъ истиной разумѣютъ соотвѣтствіе между мышленіемъ и бытіемъ. Но все это формальныя опредѣленія истины. Реально и въ строгомъ смыслѣ подъ истиной разумѣютъ знаніе принциповъ сущаго. На вопросъ, что есть истина, отвѣчающій долженъ изложить эти принципы.

Что существуетъ дѣйствительно, что дѣйствительно есть сущее? Уже философія элеатовъ остановила мысль на различіи между бываніемъ и бытіемъ. Въ этомъ ирѣ явленій, который мы знаемъ, даже въ нашемъ собственномъ духовномъ мірѣ мы прежде всего встрѣчаемся съ бываніемъ, а не съ бытіемъ. Вокругъ себя мы видимъ процессы физическіе, въ себѣ наблюдаемъ процессы духовные, но вездѣ мы встрѣчаемся только съ процессами и не находимъ ничего неизмѣнно

устойчиваго. При изученіи геометріи школьникамъ сообщаютъ что въ природѣ нѣтъ ни прямыхъ линій, ни окружностей, ни параллелепипедовъ, ни кубовъ, ни шаровъ, но при этомъ учащійся пребываетъ въ убѣжденіи, что природа полна тѣлами, что только эти тѣла не совпадаютъ съ геометрическими схемами, что у самыхъ совершенныхъ кристалловъ есть отступленія отъ геометрической формы. Я пойду дальше и скажу вамъ, что въ природѣ не существуетъ никакихъ тѣлъ, ни правильныхъ, ни неправильныхъ. Представимъ, что предъ нами находится кубъ. Не будемъ спорить о его абсолютно точной формѣ, но вотъ въ чемъ дѣло. Этотъ кубъ, какъ и все въ природѣ непрестанно претерпѣваетъ измѣненія. Какой нибудь кубическій кристаллъ можетъ существовать тысячи лѣтъ, не измѣняясь повидимому ни въ вѣсѣ, ни въ формѣ, но это только повидимому. Если бы мы обладали достаточно сильнымъ зрѣніемъ, мы увидали бы въ немъ непрерывный процессъ измѣненій. Этотъ процессъ непрерывенъ, но если этотъ процессъ состоитъ въ непрерывномъ переходѣ изъ одной формы въ другую, то нельзя сказать, что въ такой то моментъ процессъ создаетъ такую то форму. О летящей стрѣлѣ, учитъ насъ Зенонъ, нельзя сказать, что въ такой то моментъ она занимаетъ такое то мѣсто, потому что, если она занимаетъ опредѣленное мѣсто, то значитъ она неподвижна. Такъ, если о нашемъ кристаллѣ сказать, что въ данную минуту онъ имѣлъ такую то форму, то, значитъ, въ немъ прекратился процессъ измѣненій. Этого не можетъ быть, такимъ образомъ никогда, никакой предметъ въ мірѣ не имѣетъ опредѣленной формы. Это—не парадоксъ, наоборотъ нѣчто парадоксальное заключаетъ въ себѣ наше стремленіе дѣлать недѣлимое и облекать въ форму то, что не имѣетъ формы. Міръ есть процессъ. Матерія въ немъ постоянно мѣняетъ форму (припомните ученіе Аристотеля о матеріи и формѣ) Ни на одну безконечно малую черту времени ничто не остается неизмѣннымъ. Мѣсто, которое мы занимаемъ въ пространствѣ, постоянно измѣняется, температура непрестанно испытываетъ колебанія, вѣсъ всего претерпѣваетъ измѣненія непрерывно. Положимъ, вы нѣсколько вытянули шею или подняли палецъ, вслѣдствіе этого голова ваша или палецъ удалились отъ центра земли, дѣйствіе земнаго притяженія на

нихъ ослабѣло, и вы стали вѣсить меньше. Для нашихъ приборовъ эта переменна въ вѣсѣ неуловима, но усильте мысленно остроту нашихъ чувствъ и чувствительность нашихъ измѣрительныхъ приборовъ, и вы увидите, что въ физическомъ мѣрѣ нѣтъ бытія, есть лишь бываніе, смѣна, это калейдоскопъ, въ которомъ не закрѣпляется ни одна линия, ни одинъ лучъ, ни одно химическое соединеніе. Гераклитъ сказалъ: „нельзя дважды войти въ одну и ту же рѣку“ (это понятно, вода въ рѣкѣ течетъ непрерывно, и если второе ваше вхожденіе въ рѣку совершится черезъ полчаса, то вода въ рѣкѣ будетъ совсѣмъ другою). Изъ афоризма Гераклита слѣдуетъ, что нельзя дважды смотрѣть на одну и ту же картину, нельзя два раза любоваться красотою одного и того же зданія. Только несовершенство нашихъ органовъ чувствъ даетъ намъ иллюзію тождества.

Если мы отъ міра физическаго обратимся къ міру духовному, къ нашей собственной душѣ—предмету нашего самонаблюденія, то здѣсь фактъ постоянныхъ измѣненій явится предъ нами въ еще болѣе безспорномъ видѣ. Наши настроенія смѣняются непрестанно, содержаніе нашего сознанія—тоже самое. Душевные процессы иногда текутъ медленнѣе, иногда быстрѣе, во снѣ онѣ могутъ совершаться съ изумительной быстротой, но во всякомъ случаѣ душа, какъ и дерево и камень, является предъ нами, какъ непрерывный процессъ.

Но мы ищемъ опоры, устойевъ. Мы предполагаемъ, что въ нашей душѣ устойчивымъ началомъ является наша личность, мы предполагаемъ, что мѣръ имѣетъ неизмѣнную физическую основу. За бываніемъ мы ищемъ бытія, за міромъ феноменальнымъ мы ищемъ міра реальнаго, а за кажущимся ищемъ дѣйствительнаго, мы хотимъ поднять съ міра покрывало майи (грезы, обмана) и увидать истину.

Мы предполагаемъ, что за суетою суетъ и всяческой суетою скрывается идеальная истина. Она вѣчна и неизмѣнна. Эти признаки истинѣ приписываютъ всѣ, но содержаніе ея мыслятъ различно. Одни представляютъ ее себѣ въ видѣ вѣчно неизмѣнныхъ законовъ. Другіе мыслятъ эту истину, какъ абсолютный разумъ и абсолютную любовь. Но во всякомъ случаѣ знаніе истины есть знаніе принциповъ сущаго, того, что есть, что будетъ и должно быть, а слѣдовательно и знаніе того, что мы должны дѣлать.

Два положенія должно установить относительно истины: 1) каждому необходимо что либо признавать истинною, имѣть какое либо *credo*, 2) никакое *credo*, никакое исповѣданіе истины не можетъ утверждаться на данныхъ опыта, на несомнѣнныхъ выводахъ изъ научнаго знанія.

Каждый долженъ имѣть *credo*, т. е. исповѣданіе, оно можетъ быть какимъ угодно, но оно непремѣнно должно быть. Каждый изъ насъ долженъ дѣйствовать и слѣдовательно каждый долженъ опредѣлить, какъ онъ долженъ дѣйствовать. Часто формула, опредѣляющая образъ поведенія, слагается безсознательно, но за всѣмъ тѣмъ она всегда существуетъ. Возьмемъ самую простую, самую элементарную формулу поведенія, учащую: будемъ ѣсть, пить и веселиться. Какъ ни проста эта формула, она представляетъ собою выводъ изъ сложнаго міросозерцанія. Она содержитъ въ себѣ отрицаніе обязательности тѣхъ требованій, которыя предъявляетъ къ намъ наша собственная совѣсть, содержитъ отрицаніе права за обществомъ, въ которомъ мы живемъ, предъявлять къ намъ требованія несомнѣнно, эта формула предполагаетъ, что насъ не постигнетъ кара, если мы будемъ ее осуществлять. Формулою этою предполагается, что „я“, испытывающее удовольствія и страданія, есть временное явленіе въ мірѣ, есть случайный синтезъ какихъ то началъ; моею задачею, пока я существую, должна быть забота о томъ, чтобы мнѣ было пріятно и только, затѣмъ мое „я“ исчезнетъ и некого будетъ судить за то, что онъ жилъ такъ, а не иначе. Такъ, всякій практическій образъ поведенія предполагаетъ за собою болѣе или менѣе сознательную теоретическую основу. Всякій въ своей дѣятельности непремѣнно исходитъ изъ какого либо исповѣданія, которое считаетъ истинною.

И эта истина не можетъ быть плодомъ научныхъ завоеваній или выводомъ изъ данныхъ науки. Истина, какъ мы говоримъ, есть представленіе о принципахъ сущаго, но нѣтъ никакой науки, которая бы учила о такихъ принципахъ. Во первыхъ: нѣтъ науки обо всемъ, а существуютъ только науки объ отдѣльныхъ циклахъ явленій, ни къ какому единству науки они не приведены, а когда ихъ синтезируютъ философы, то это совершается во имя вовсе ненаучныхъ метафизическихъ принциповъ. Во вторыхъ — наука, поскольку она

дѣйствительно наука, никогда не занимается рѣшеніемъ вопросовъ о принципахъ сущаго, наука изучаетъ лишь существованіе и послѣдовательность явленій, ея идеаль въразить связь явленій алгебраическими уравненіями. Если бы метеорологія могла по даннымъ, представляемымъ настоящимъ днемъ, выразить въ цифрахъ, какое количество осадковъ будетъ завтра, какова будетъ облачность, какой силы и какого направленія вѣтеръ, какова будетъ температура, о метеорологіи бы говорили, что эта наука достигла высокой степени совершенства, т. е. говорили бы о ней то, что теперь говорятъ объ астрономіи. Но метеорологіи и астрономіи нѣтъ никакого дѣла до сущности явленій, онѣ изучаютъ связь явленій. Пока люди мысли отыскивали для явленій субстанціи, наука была въ крайне жалкомъ положеніи, медицина, агрономія, техника были въ зачаточномъ состояніи, но когда вниманіе было обращено на взаимную зависимость явленій, когда стали тщательно наблюдать и затѣмъ производить эксперименты, тогда у человѣчества накопился богатый и плодотворный матеріаль, позволяющій часто предвидѣть явленія и отчасти управлять ими.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ выше поднималось положительное знаніе, тѣмъ менѣе оно предъявляло претензій на то, что можетъ познать истинно сущее. Войдите въ какой либо физическій институтъ, химическую лабораторію, поднимитесь въ обсерваторію, вы увидите, что изучается тотъ или другой циклъ явленій, вы ознакомитесь съ измѣрительными приборами удивительной точности, съ сложными манипуляціями, требующими большой осторожности и ловкости, но всѣ эти приборы, всѣ эти частныя задачи, которыя хотять рѣшить и рѣшаютъ при помощи ихъ, стоятъ безмѣрно далеко отъ какого бы то ни было міросозерцанія. Православный, еврей, атеистъ могутъ совмѣстно работать надъ одною и тою же задачею, какъ они совмѣстно могутъ строить домъ, и ихъ дружной совмѣстной работѣ въ области точнаго знанія нисколько не будетъ мѣшать различіе міросозерцаній.

Конфликты возникаютъ тамъ гдѣ положительное знаніе умалкаеть, гдѣ не наука рѣшаетъ вопросы и тѣмъ даетъ основы для міросозерцанія, а наоборотъ, во имя религіозныхъ или философскихъ принциповъ навязываютъ наукѣ

тѣ или инья рѣшенія. Такъ поступаютъ при построении грандіозныхъ теорій происхожденія міра, жизни, человѣка. Эти вопросы рѣшаютъ напередъ установивъ, что въ мірѣ дѣйствуютъ только такіе то и такіе то принципы, что не можетъ быть допущено существованіе такихъ то и такихъ то высшихъ факторовъ, о которыхъ говоритъ религія. Или, наоборотъ, ихъ рѣшаютъ во имя религіи, отвергая научныя предположенія.

Но принциповъ сущаго, т. е. истины не трогаетъ наука. „Существуетъ ли такая вещь, какъ объективная истина?“ много лѣтъ тому назадъ спрашивалъ Эрнестъ Геккель, міровныя загадки котораго улаживаютъ теперь столь многихъ праздныхъ россіянъ. Согласно принципамъ эволюціи, которую исповѣдуетъ Геккель, объ истинѣ не можетъ быть и рѣчи. Все эволюционируетъ, т. е. измѣняется, въ частности и законы мышленія и аксіомы, о какой же вѣчной истинѣ въ такомъ случаѣ можетъ быть рѣчь. Но замѣтите, что это отрицаніе объективной истины идетъ отъ философіи, а не отъ науки. Эволюціонное міровоззрѣніе, какъ и всякое міровоззрѣніе, вовсе ненаучно. Научна только наука. Съ точки зрѣнія самой теоріи эволюціи міровоззрѣніе ея послѣдователей есть продуктъ ограниченнаго опыта.

Родъ homo наследственнымъ путемъ выработалъ себѣ принципы математическіе и въ нѣкоторой мѣрѣ физическіе, затѣмъ инстинкты соціальныя и нравственныя.¹ Эти инстинкты и принципы, выработанные путемъ эволюціоннымъ, то же самое, что въ старину называли прирожденными людямъ идеями, съ тою разницею, что прирожденные идеи считались принципами извѣчными, а съ точки зрѣнія теоріи эволюціи инстинкты и принципы присущіе теперь людямъ временны. Измѣнится родъ homo, измѣнится въ его представленіи міръ и иначе онъ будетъ мыслить свои отношенія къ міру.

Истина не открыта наукой и не можетъ быть открыта. Истина есть нѣчто вѣчное и безконечное. Наука занимается тѣмъ, что измѣряетъ, но измѣрять можно лишь конечное. Движеніе науки впередъ вовсе не есть завоеваніе безконечности, безконечностью нельзя овладѣть. Бездонную бочку нельзя наполнить водой и безконечность нельзя преодолѣть. Расширеніе территоріи наблюденія и эксперимента имѣетъ ва-

жное практическое значеніе, но какъ бы ни расширялась эта территория, на ней нельзя утвердить всеобъемлющаго міросозерцанія.

Но если такъ, то откуда же та истина, во имя которой дѣйствуютъ люди? Истина, скажу я, принимается людьми по откровенію внѣшнему или внутреннему или, обычно, по тому и другому вмѣстѣ. Христосъ не отвѣтилъ на вопросъ Пилата, что есть истина, потому что Пилатъ не хотѣлъ знать истины, но раньше Христосъ сказалъ своимъ ученикамъ: „Я есть путь и истина и жизнь“ (Іоан. XIV, 6) Христосъ открывалъ людямъ истину, какъ нѣчто внѣшнее, но она принималась одними и отвергалась другими, смотря по тому, отвѣчала она стремленіямъ ихъ духа или нѣтъ.

Тамъ, гдѣ истина принимается въ формѣ религіи, она мыслится всегда какъ откровеніе. Религія есть связь міра высшаго (божественнаго) съ человѣческимъ. Она предполагаетъ собою, какъ первый моментъ, Богоявленіе человѣку, иначе немислимы и сношенія человѣка съ Богомъ, немислимо и знаніе божественной воли и божественныхъ заповѣдей.

Но и тамъ, гдѣ откровенная религія отвергается, остается міровоззрѣніе, признающее или отрицающее бытіе Божіе. И признаніе или отрицаніе ни въ какомъ случаѣ не утверждается на наукѣ. Правда, въ недавніе дни у насъ на Руси торговали пятикопеечными или даже двухкопеечными брошюрами, содержащими доказательство, что нѣтъ Бога. Но вѣдь, у насъ на Руси до сихъ поръ торгуютъ и привораживающими любовь напитками. Тотъ и другой товаръ одинаковаго достоинства. Тезисъ, что Бога нѣтъ, выдвинуть давно, онъ вовсе не есть завоеваніе новаго времени, онъ очень старъ, объ этомъ намъ свидѣтельствуютъ псалмы. такъ же старо и главное основаніе этого тезиса; нечестивый благоденствуетъ, а праведный страдаетъ. Такъ же старо и возраженіе противъ этого основанія, возраженіе утверждающее фактъ, что нечестивый благоденствуетъ и праведникъ страдаетъ, но только добавляющее: *до времени*. Въ такомъ положеніи былъ вопросъ о бытіи Божіемъ во времена Давида, въ такомъ онъ оказывается и въ настоящіе дни. Рѣшеніе вопроса по старому остается субъективнымъ. Точно также вопросы о Провидѣніи, свободѣ воли, безсмертіи души.

Если бы эти вопросы были рѣшены научно, въ ихъ рѣшеніи не было бы разногласія, но ихъ каждый рѣшаетъ по своему на основаніи своего душевнаго настроенія. Смотря по настроенности, религіозное знаніе можетъ оказаться для человѣка тверже математическаго, или, наоборотъ, можетъ представиться совершенно нелѣпостью. На признаніе нами пифагоровой теоремы истиною не можетъ вліять ни наше настроеніе, ни окружающая насъ среда; на принятіе нами того или другого религіознаго или філософскаго ученія можетъ повліять рѣшительно все: и сонъ, который мы видѣли ночью, и погода, при которой обсуждался вопросъ о цѣнности предлагаемаго ученія, и наши вкусы, привычки и стремленія.

Есть люди, которые ночью вѣруютъ въ Бога, а днемъ нѣтъ. Вѣдь, днемъ они помнятъ о ночи и ночью о днѣ, и однако при свѣтѣ солнца они совершенно искренно становятся атеистическими храбрецами, и такъ же искренно ночью въ темнотѣ своей спальни зываютъ къ Богу любящему и хранящему людей.

Такъ, исповѣданіе истины, т. е. признаніе, что принципы существующаго такіе или иные, стоитъ внѣ зависимости отъ научныхъ открытій и изысканій. Знаніе истины есть знаніе бытія, которое будучи въ высшей степени реальнымъ, въ тоже время въ высшей степени идеально. Реальное и идеальное совпадаютъ въ абсолютномъ. Дѣйствительно реально только абсолютное. Оно есть истинное бытіе. Міръ и мы въ немъ—только бываніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютное есть и высшій идеалъ, и мы сами, стремясь къ созданію устойчивости своего „я“, стремимся одновременно и къ высшей реальности и къ высшему идеалу. Знаніе истины есть знаніе идеальныхъ основъ бытія и нашего отношенія къ этимъ основамъ. Такова истина по своему содержанію. Истина сообщается намъ по откровенію, такова она по своему происхожденію.

Громадное зло проистекаетъ отъ того, что науку часто смѣшиваютъ съ истиной. Наука говоритъ, наука сказала, наука утверждаетъ... Отъ одного очень крупнаго ученаго мнѣ пришлось слышать, что наука не можетъ ошибаться. Признаюсь, я совершенно не понимаю, что понималъ онъ подъ наукою, утверждая это. Наука не есть ни истина, ни даже собраніе

несомнѣнныхъ истинъ. Въ науку входятъ гипотезы, предположенія. Въ самомъ возвышенномъ и благородномъ смыслѣ наука не есть истина, а только исканіе истины. Исканій нельзя боготворить, имъ можно лишь сочувствовать и не сочувствовать.

Наука въ примитивномъ смыслѣ слова есть всякое знаніе. Для того, чтобы находить и собирать грибы, нужно точно также усвоить нѣкоторую науку, какъ и для того, чтобы опредѣлять склоненіе и прямое восхожденіе звѣздъ. Всякое дѣло, которымъ человѣкъ занимается, постепенно становится для него легче и легче. Мы не помнимъ, какъ мы учились ходить, мы можемъ наблюдать это только на другихъ, и мы видимъ, какихъ усилій стоятъ маленькимъ гражданамъ нашего міра попытки удержаться вертикально и попытки передвигаться въ вертикальномъ положеніи. Большинство людей умѣетъ плавать и обучаются плаванію уже въ сознательномъ возрастѣ. Пусть каждый припомнитъ, какихъ немовѣрныхъ трудовъ стоило ему сначала удержаться на поверхности воды и потомъ это оказалось не стоящимъ никакихъ усилій. Наука плаванія, какъ и всякая наука, состоитъ въ томъ, что мы постепенно пріучаемся не тратить лишнихъ средствъ для достиженія той или иной цѣли. Послушайте на судъ показанія необразованныхъ свидѣтелей и свидѣтельница. Они постоянно въ своихъ показаніяхъ уклоняются въ сторону. Наука состоитъ въ томъ, что мы мыслимъ о предметѣ съ наименьшей затратой силы. Это—съ теоретической точки зрѣнія. Практически наука состоитъ въ томъ, что мы съ наименьшей затратой силъ реализуемъ идею. Поинтересуйтесь исторіей экипажей, начиная съ колесницъ фараоновъ и колесницъ троянской войны и кончая англійскими кэбами и шарабанами нашихъ дней. Постепенно устранялось ненужное и все больше и больше вводилось нужнаго. Тоже самое и съ оружіемъ. Тоже самое съ методами счисления. Наука постепенно устраняетъ элементъ нецѣлесообразный въ изучаемомъ и усиливаетъ элементъ цѣлесообразный. Не на зарѣ только культуры, но и въ средніе и даже въ началѣ новыхъ вѣковъ астрономія была связана съ астрологіей. Астрономъ, открывшій законы обращенія планетъ, изъ чего Ньютонъ вывелъ принципъ тяготѣнія, этотъ астрономъ—я разумѣю Кеплера,—былъ придворнымъ астрологомъ. Въ

ту же эпоху химія существовала совмѣстно съ алхиміей, медицина долго жила совмѣстно съ чародѣйствомъ. Расширеніе знанія постепенно устраняло лишнее и вводило нужное. Процессъ развитія науки состоялъ въ томъ, что изучаемый предметъ постепенно обособлялся, изолировался отъ другихъ предметовъ. Вѣдь, было время, когда въ составъ математики входила историческая хронологія. Ясно, что занятія послѣдней отвлекали математиковъ отъ прямыхъ задачъ. Наука должна подняться до высокой степени развитія, чтобы точно опредѣлить свой предметъ, границы и предѣлы его изученія. Еще труднѣе опредѣлить, какія именно вспомогательныя отрасли знанія нужны для изученія того или другого предмета. Наконецъ, только постепенно въ дѣлѣ изученія предмета усовершенствуется порядокъ изученія. Вводится система. Наука въ концѣ концовъ есть систематическое и методологическое знаніе чего-либо.

Мышленіе въ системѣ есть экономическій способъ мышленія. Представьте себѣ, что вы захотѣли бы мыслить объ этой аудиторіи, не руководясь идеею системы или порядка, каждую парту, каждый столъ вы должны были бы представлять отдѣльно, независимо отъ другихъ скамеекъ и столовъ. Вашъ трудъ оказался бы ужаснымъ. Но разъ вы, зная назначеніе залы, представляете, что въ ней предметы расположены въ такомъ то порядкѣ, вы очень легко запоминаете, что въ ней находится, и легко можете представить съ закрытыми глазами картину комнаты.

Наука изолируетъ изучаемый предметъ, это, значить, что наука въ своемъ представленіи разъединяетъ единый міръ, разобщаетъ его на отдѣльные элементы, вмѣсто науки о всемъ бытіи мы имѣемъ серію наукъ о различныхъ циклахъ явленій и предметовъ. Изъ этого уже слѣдуетъ, что наука не можетъ намъ дать знаніе истины, т. е. знанія принциповъ сущаго. Единый космосъ наука дробитъ на множество системъ. Не можетъ быть никакой науки, которая синтезировала бы всѣ эти системы и была бы наукою объ всемъ. Существуетъ только сумма наукъ, но нѣтъ общей науки. Я остановлюсь лишь на двухъ причинахъ для этого. Во первыхъ, не можетъ быть человѣка, который бы зналъ всѣ науки и могъ бы упорядочивать ихъ и объединить ихъ содержаніе въ новомъ высшемъ синтезѣ. Во вторыхъ, я уже

говорилъ, что науки не представляютъ собою собранія несомнѣнныхъ истинъ, въ нихъ входятъ гипотезы, теоріи. Послѣднія и составляютъ главное содержаніе многихъ наукъ. Систематичность этихъ наукъ условна, методологія ихъ, т. е. ученіе о томъ, какъ далѣе разрабатывать предметъ, нерѣдко проблематична. И порою оказывается, что кардинальные тезисы одной науки стоятъ въ противорѣчьи съ принципами другой. Укажу для примѣра на астрономію и геологію. И та и другая наука въ своихъ высшихъ обобщеніяхъ претендуютъ дать исторію нашего міра, но время, въ которое должна быть заключена эта исторія, астрономіей и геологіей представляется различно. Астрономы выходятъ изъ того физическаго закона, что теплота быстро излучается въ пространство. Солнце постоянно теряетъ свою теплоту, отдавая ее безконечнымъ глубинамъ вселенной. Если принять, что было время, когда температура солнца была такъ высока, что нагрѣвая землю, дѣлала жизнь на послѣдней невозможной, и если спросить, въ какой періодъ времени солнце должно было дойти до своего настоящаго состоянія, то все, что мы знаемъ о происхожденіи и излученіи теплоты обязываетъ обращаться къ скромнымъ цифрамъ. Геологія исходитъ изъ другого принципа—изъ дарвинистической теоріи происхожденія органическаго міра. Человѣкъ произошелъ отъ монеры, а монера отъ какихъ либо протистовъ. Если принять во вниманіе, что въ извѣстный людямъ историческій періодъ не наблюдалось *никакой* эволюціи организмовъ, то нужно принять, что развитіе органическаго міра совершалось съ крайнею медленностью. Милліоны лѣтъ нужны были для того, чтобы отъ обезьяноподобныхъ животныхъ произошли люди ледниковой эпохи, но отъ обезьяноподобныхъ животныхъ еще очень далеко до низшихъ млекопитающихъ. Сотни милліоновъ лѣтъ оказываются чрезвычайно скромною цифрою для опредѣленія древности органическаго міра. Астрономія не принимаетъ этихъ сотенъ милліоновъ. Я лично думаю что астрономическіе и геологическія выводы утверждаются на ошибочной базѣ. Но дѣло здѣсь не въ личныхъ мнѣніяхъ. Мы говоримъ о томъ, что если на основаніи частныхъ наукъ можно построить общую науку обо всемъ, то какъ строитель можетъ привести въ гармонію астрономію и геологію, вѣдь, для этого синтезирующій ученый долженъ

подняться и надъ геологами и надъ астрономами и самостоятельно подвергнуть разбору ихъ ученія.

Но разладъ существуетъ не въ однѣхъ наукахъ, онъ открывается въ самой природѣ вещей. По естественному закону мы нуждаемся въ мясѣ, мясная пища является для насъ и пріятной и питательной. Но присущее намъ нравственное сознание говоритъ то, что нѣкогда Товитъ говорилъ Товіи: „что ненавистно тебѣ самому, того не дѣлай никому“ (Товит. IV, 15). Всякая тварь любитъ жизнь, страданіе ненавистно всѣмъ. Любя жизнь, мы однако принуждены ее поддерживать, губя чужую жизнь. Человѣкъ ловитъ рыбу на червяка, рыба съѣдаетъ червя и попадаетъ человѣку, человѣкъ съѣдаетъ рыбу, умираетъ и становится добычею червей. Мы такимъ образомъ имѣемъ передъ собою круговоротъ взаимнаго пожиранія. Но наше нравственное чувство ищетъ осуществленія принципа взаимопомощи, взаимной любви. Такимъ образомъ законы жизни, если мы будемъ опредѣлять ихъ на основаніи того, что происходитъ въ природѣ, выльются для насъ въ формулу борьбы за существованіе, и если въ природѣ мы и находимъ явленія взаимопомощи, существованіе ассоціацій, то это оказывается только другою формою борьбы за существованіе, именно формою борьбы коллективной. Если мы обратимся къ нравственному чувству, то оказывается, что оно требуетъ другого. Оно рисуетъ порядокъ, при которомъ „волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ. И корова будетъ пастись съ медвѣдицею, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому. И маденецъ будетъ играть надъ норю аспіда, и дитя протянетъ руку свою на гнѣздо змѣи“ (Исаи XI, 6—8). Какъ ученый можетъ согласить требованія нашей совѣсти съ законами жизни?

О всемъ бытіи, о его принципахъ трактуетъ философія, которая такимъ образомъ и берется за составленіе синтеза всѣхъ наукъ. По отношенію къ религіи всѣ виды философіи можно подраздѣлить на два типа: философію религіозную и философію антирелигіозную. Философія религіозная всегда исходитъ изъ откровенной религіи, она можетъ быть очень либеральной, можетъ исказать, извращать религію, но она

изъ нея, а не изъ науки беретъ руководящіе принципы. Философія антирелигіозная построяетъ свое зданіе опять таки не на основаніи данныхъ науки, а на критикѣ религіи (въ примѣръ можно привести хотя бы Фейербаха), и выводы философіи сводятся къ отрицанію принциповъ религіи и ея требованій, положительныхъ нормъ антирелигіозная философія не можетъ дать никакихъ и на вопросъ, что я долженъ дѣлать, единственный разумный отвѣтъ съ ея стороны можетъ быть лишь таковъ: дѣлай, что хочешь.

Но этого мало, что наука не даетъ никакихъ принциповъ, должно сказать болѣе, она сама беретъ принципы изъ того, что составляетъ нашу вѣру, что мы исповѣдуемъ, какъ интуитивную истину. Всѣ человѣческія убѣжденія и вся дѣятельность, житейскія и научныя знанія, философскія системы и религіозныя исповѣданія утверждаются прежде всего на вѣрѣ въ самодостовѣрность вашего мышленія. Эта самодостовѣрность не доказана, она по существу и не можетъ быть доказана, вѣра въ ней предшествуетъ всякому разсужденію и всякой мысли, она обусловливаетъ всякое положеніе. Тѣ, которые пытаются ее отрицать, въ своихъ разсужденіяхъ выходятъ изъ ея признанія, и каждый шагъ, каждый моментъ въ развитіи ихъ положеній утверждается на истинности этого признанія. Далѣе, всеобщій и необходимый характеръ имѣетъ вѣра въ реальность внѣшняго міра, эта вѣра есть *prius* всякаго міропониманія и міропредставленія. Соллипсизмъ (*solus ipse sum*)—ученіе о томъ, что для человѣка несомнѣненъ лишь фактъ его личнаго бытія и что онъ имѣетъ право не вѣрить въ бытіе внѣшняго міра, есть теорія, которую доселѣ никто не могъ опровергнуть и въ которую, однако, никто не можетъ вѣрить. Мало этого, каждому присуща вѣра въ реальность другихъ людей, въ сходство ихъ психическихъ свойствъ съ его собственными, вѣра въ одушевленность животныхъ. Уже давно выдвинута теорія автоматизма, допускающая, что за физическими и фізіологическими явленіями въ человѣческомъ организмѣ можетъ не скрываться никакого психическаго содержанія: страдальческія рыданія, слова беззавѣтной мольбы, глухая тоска, слышащаяся въ чѣмъ либо голосъ, все это можетъ быть просто физическимъ актомъ, какъ плачь осенняго дождя или жалобный вой вѣтра въ дымовой трубѣ. Повидимому легко допустить

что мое „я“ есть единственное чувствующее начало во вселенной, и что все, кромѣ моего „я“ представляет собою неодушевленный міръ. Безъ сомнѣнія теперь нѣтъ сторонниковъ монадологіи и теоріи предустановленной гармоніи Лейбница, но подчеркнутый имъ фактъ непостижимости взаимоотношенія предметовъ и существъ, который привелъ его самого и затѣмъ многихъ къ неопровергнутому доселѣ отрицанію возможности такого взаимообщенія, ясно показываетъ, что не представлено безспорнаго доказательства существованія внѣшняго міра и другихъ людей. Но мы не только вѣримъ въ бытіе внѣшняго міра, мы вѣримъ въ единообразіе мірового порядка, въ существованіе въ мірѣ опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ законовъ управляющихъ его бытіемъ, и мы вѣримъ въ существованіе у насъ обязанностей по отношенію къ этому міру—по крайней мѣрѣ по отношенію къ нѣкоторымъ его членамъ. Мы имѣемъ вѣру въ существованіе законовъ необходимости и нравственныхъ законовъ свободы. Размышленіе приводило многихъ къ отрицанію существованія послѣднихъ и однако, видно, въ глубинѣ своей души они продолжали вѣрить въ ихъ существованіе и въ своей дѣятельности безусловно не могли отрѣшиться отъ этой вѣры. Такъ, въ основаніи всѣхъ знаній и практической дѣятельности человѣка лежитъ эта вѣра. Такъ въ научныхъ теоріяхъ мы необходимо предполагаемъ единство существующаго и законосообразность совершающагося, въ практической дѣятельности мы также необходимо признаемъ существованіе у насъ свободной воли, которая можетъ колебаться и выбирать между различными типами должнаго и пріятнаго.

Такимъ образомъ наука заимствуетъ свои принципы изъ того, что мы назвали истиною, а не истина строится на данныхъ науки. Истина есть начало мистическое, начало религиозное, она открывается человѣку (внутренне) въ формѣ нравственныхъ требованій, (внѣшне) въ формѣ религиозныхъ заповѣдей. Но она религіозна по существу. Недаромъ Декартъ говорилъ, что ручательствомъ нашей способности познать истину является *veracitas Dei*—истинность Бога. Тамъ, гдѣ отрицается Богъ или упраздняется вопросъ о Богѣ, мы находимъ лишь одну невысокую истину, что нельзя узнать истины. Наука есть начало рационалистическое. По скольку она—наука дѣйствительно, она не можетъ подниматься до

высшихъ обобщеній. Покойный физикъ Герцъ (припомните электрическія волны Герца) развилъ теорію, что физика не должна имѣть гипотезъ, ея задача выражать законы явленій въ уравненіяхъ. Разъ даны условія, вычисленіе должно опредѣлить результатъ. Наука не скажетъ мнѣ: долженъ ли я отдать свою послѣднюю рубашку ближнему или, наоборотъ, я долженъ съ ближняго снять послѣднюю рубашку. Наука только скажетъ мнѣ, что если у меня не будетъ теплой одежды въ холодное время, то я простужусь.

Размышляя о наукѣ и истинѣ или, говоря иначе, о религіи, я взаимоотношеніе ихъ представляю такимъ образомъ. Религія указываетъ идеалы, къ которымъ должно стремиться, она намѣчаетъ цѣли, которыя нужно осуществлять. Наука не можетъ указывать никакихъ цѣлей для человѣчества и не можетъ предписывать ему никакихъ нормъ. „Станемъ ѣсть и пить: ибо завтра умремъ“ (1 Коринѣ. 15, 32). Что можетъ сказать противъ этого призыва наука? Человѣкъ рождается изъ грязи, дѣлаетъ грязь, становится грязью. Это положеніе наука можетъ только подтвердить. Съ точки зрѣнія науки черезъ голову человѣка проходятъ знанія, открытія, изобрѣтенія, но самъ онъ остается только грязью, какъ кирпичъ остается только кирпичемъ, для постройки какого бы великолѣпнаго дворца, онъ ни послужилъ. Положеніе кирпича даже гораздо выгоднѣе. Неповрежденность дворца связана съ его цѣлостью, но сохраненіе и усовершеніе храма науки не стоитъ въ зависимости отъ сохраненія человѣческой личности. Но если такъ, — а это такъ, — то къ чему и наука? Совсѣмъ другое, если мы примемъ религіозные идеалы безконечнаго духовнаго усовершенія, вѣчнаго блаженства. Когда мы примемъ цѣли, указываемыя религіей, оказывается, что для достиженія этихъ цѣлей наука даетъ средства. Религія говоритъ: люби ближняго, т. е. помогай ему. Но чтобы помогать ближнему, нужно умѣть что нибудь дѣлать. Чтобы помогать въ болѣзняхъ, надо умѣть лѣчить.

Чтобы научить человѣка какой нибудь работѣ, нужно напередъ умѣть работать самому. И чѣмъ больше и лучшаго качества имѣетъ знаній человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ можетъ осуществлять свою любовь къ другимъ. Такъ религія опредѣляетъ идеалы, наука находитъ средства для ихъ дости-

женія И даже тамъ, гдѣ на мѣсто религіи ставятъ суррогатъ религіи, между тѣмъ, что называютъ религіей, и тѣмъ, что есть наука, устанавливаютъ тоже самое взаимоотношеніе. Теперь имѣется много людей исповѣдующихъ въ различной формѣ религію человѣчества. Ихъ богъ—человѣчество. Богъ этотъ, какъ вы знаете, и не очень уменъ и очень несчастливъ. Идеаль послѣдователей религіи человѣчества состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать своего бога счастливымъ. Ихъ принципъ—благо человѣчества. Понятно, что служить этому богу можно лишь знаніями, лишь наукой. Люди религіозные могутъ возразить противъ нашего опредѣленія, указавъ, что святые подвижники не занимались наукой и однако оказывали великія услуги и благодѣянія ближнимъ. Могутъ указать, какъ на примѣръ, на св. Серафима саровскаго. Здѣсь, скажу я, игра словами. Не только алгебра и химія называются и должны называться наукой, но знаніе всякой группы фактовъ и знаніе связи между этими фактами. Но подвижники всю жизнь изучали, руководясь и наблюденіемъ и экспериментомъ, человѣческую душу, они узнавали самые тончайшіе оттѣнки душевныхъ движеній, они гораздо болѣе, чѣмъ съ математическою точностью—математика здѣсь не годится—опредѣляли зависимость душевнаго настроенія отъ внѣшнихъ воздѣйствій, вліяніе шелеста тростника на духъ погруженный въ молитву, вліяніе отдаленнаго благовѣста на душу погруженную въ созерцаніе. Не будемъ спорить о томъ, что выше: душа или тѣло и что такое душа, совсѣмъ независимо отъ рѣшенія этихъ вопросовъ должно признать, что подвижники были великими психологами, т. е. великими учеными, и они утилизировали свое знаніе для того, чтобы управлять своимъ духомъ, и для того, чтобы души другихъ направлять къ добру.

Опредѣливъ взаимоотношеніе религіи и науки такъ, что первая говоритъ объ идеальномъ, а вторая учитъ о реальномъ, первая говоритъ о томъ, что должно быть, вторая указываетъ средства, какъ осуществить это должное, опредѣливъ такъ взаимоотношеніе истины и науки, мы повидимому какъ бы устранимъ возможность конфликтовъ между ними. Но на самомъ дѣлѣ это разграниченіе территорій не устраняетъ возможность конфликтовъ между ними. Прежде всего за истину различными лицами выдается очень раз-

личное. Для насъ съ вами можетъ быть истиной православное вѣроученіе, для магометанина—коранъ, для послѣдователей браманизма—веды. Разъ истинъ предлагается много, а на самомъ дѣлѣ истинна изъ нихъ только одна, то очевидно должны быть какія либо основанія—болѣе или менѣе устойчивыя или шаткія—по которымъ одна изъ предлагаемыхъ доктринъ избирается, какъ истина, и всѣ другія отвергаются, какъ ложныя. Истина по нашему опредѣленію есть нѣчто подаваемое человѣку свыше, но она опредѣляетъ отношенія человѣка къ тому, что находится здѣсь внизу, и отсюда открывається нѣкоторая возможность провѣрять ее не только сердцемъ, но и разумнымъ изслѣдованіемъ дѣйствительности. Разумъ можетъ вскрыть элементы лжи въ томъ, что намъ предлагаютъ какъ истину, можетъ указать внутреннія противорѣчія, найти несоотвѣтствіе съ данными дѣйствительности, разумъ можетъ разсѣвать религіозныя заблужденія и суевѣрія. Безсильный дать свое исповѣданіе, онъ можетъ вскрыть ложь исповѣданія другого. Его работа отрицательная, онъ не можетъ дать своего *credo*, но порою можетъ представить достаточно основаній, чтобы отвергнуть предлагаемое.

Изъ того, что разумъ не можетъ дать исповѣданія, слѣдуетъ, что онъ не можетъ внушить и вѣры. Религіозная вѣра есть начало мистическое, она есть знаніе внутренняго опыта, непосредственное воспріятіе божественнаго воздѣйствія. Читаетъ человѣкъ Евангеліе и всѣмъ своимъ существомъ воспринимаетъ благодатное воздѣйствіе святой книги, для него не нужны болѣе никакія завѣренія и доказательства, что эта книга свята, онъ непосредственно чувствуетъ ея святость. Но не многимъ дается это чувствовать. Теоретическія раціональныя доказательства предлагаются всѣмъ, но все значеніе ихъ заключается въ томъ, что въ нѣкоторыхъ они возбуждаютъ желаніе вѣры, но дать вѣры они не могутъ. На самомъ дѣлѣ, какъ бы ни были блестящи доказательства того, что есть Богъ, есть провидѣніе, человѣкъ не можетъ дѣйствительно увѣровать въ Бога, если не ощутитъ Его въ собственномъ сердцѣ.

Положительное значеніе разума въ дѣлѣ познанія не велико, но за то отрицательное значеніе его громадно. Въ настоящее время научный разумъ идетъ и противъ той вѣры,

которая исповѣдуются нашей школою. Христіанство говорить о томъ, что можетъ быть, что было и есть, и что должно быть, и вотъ тройственный родъ возраженій направляется противъ христіанства. Логика—наука о мышленіи, какъ орудіи познанія, и гносеологія, наука о свойствахъ и границахъ нашего познанія, пытаются отрицать возможность того, что принимается христіанствомъ—возможность чуда, пророчества, провидѣнія. Христіанство говорить о томъ, что было и есть, оно даетъ исторію міра и человѣчества въ ея кардинальныхъ пунктахъ—исторію творенія, паденія и искупленія. Противъ этой исторіи идутъ возраженія со стороны наукъ естественныхъ (главнымъ образомъ—геологіи) и историческихъ (главнымъ образомъ—исторіи еврейскаго народа и его священныхъ книгъ). Наконецъ, христіанство рисуетъ идеалы и возражаютъ противъ желательности того, къ чему призываетъ христіанство. Возраженія идутъ со стороны эстетики и этики. Въ идеалѣ христіанскомъ не находятъ достаточно красоты, въ его нравственныхъ требованіяхъ не находятъ достаточно разумности. Христіанство не хочетъ угасить льна курящаго, хочетъ поднимать труждающихся и обремененныхъ, но на самомъ дѣлѣ, говорятъ, жизнь должна принадлежать только силѣ, все слабое и больное должно погибнуть, должно быть вырвано съ корнемъ. Такъ и подобнымъ образомъ говорить не разумъ всѣхъ, но во всякомъ случаѣ разумъ многихъ, считающихся разумными, направляется противъ христіанства.

Эти столкновенія христіанскаго вѣроученія съ наукой будутъ предметомъ вашего изученія и обсужденія въ теченіе всего академическаго курса, о многомъ долженъ буду говорить я съ вами, но это дѣло дальнѣйшихъ чтеній, теперь мы съ вами обсуждаемъ вопросъ, на сколько вообще мы должны цѣнить требованія науки и на сколько мы вправѣ руководиться нашею предвзятою православною вѣрою. Мы видѣли, что вѣрить въ какую либо истину мы необходимо должны, безъ этого мы не можемъ ступить шагу, но такъ же ли мы должны вѣрить въ науку? Смыслъ поставленнаго вопроса тотъ: гарантируютъ ли намъ принципы науки несомнѣнность добытыхъ ею теоретическихъ результатовъ (касаться практическихъ мы не имѣемъ нужды)?

(Окончаніе слѣдуетъ).